

ИЗ ИСТОРИИ РАННЕГО МОНАШЕСТВА: Patrich Joseph. Sabas, Leader of Palestinian Monasticism. Wash., 1995.

В истории Византийской империи известен ряд центров монашеской активности, показавших удивительную жизнеспособность, сохранившись и процветая после исчезновения самой империи. Среди этих центров прежде всего следует назвать Афон и савваитские монастыри Палестины.

Джозеф Патрик, профессор археологии университета Хайфы, заинтересовавшись феноменом палестинского монашества, принял в 1981 - 1982 гг. раскопки в окрестностях "немого памятника этой славы" монастыря Mar Saba. Не ограничившись этим, он провел детальное исследование по истории восточного монашества, в результате которого в 1995 г. появилась монография "Савва, лидер палестинского монашества."

Цель своего исследования Дж. Патрик определил как изучение особого вклада основателя Великой Лавры (ядром которой и является существующий ныне монастырь Mar Saba) - Саввы. Для того, чтобы выделить характерные черты именно савваитской системы, Дж. Патрик сравнивает ее с другими восточными монашескими системами. Такая задача и определила структуру исследования. Автор монографии рассматривает те или иные аспекты жизни Саввы Освященного и функционирования савваитских монастырей и сравнивает их с существовавшими до Саввы системами Харитона, Евфими, Герасима, реже - с общинами Нижнего Египта, киновиями Василия Великого, Пахомия и некоторыми другими монастырями.

Работа Дж. Патрика основана на многочисленных источниках периода IV - VII вв. Несомненным достоинством монографии следует считать сочетание археологических источников и письменных, прежде всего сочинений Кирилла Скифополиса и палестинских житий в еврейском переводе, сделанном др. Ди Сегни.

Монография исследователя состоит из пяти частей. Ядро ее составляют вторая - четвертая части, каждая из которых рассматривает ряд вопросов, объединенных смысловым единством, и посвящены отдельным аспектам деятельности Саввы. Вторая часть, основанная преимущественно на археологическом материале, представляет Савву как основателя и строителя монастырей. В части третьей, основным источником для которой послужили сочинения Кирилла Скифополиса, Савва выступает как аббат и законодатель. В четвертой части Дж. Патрик обращается к деятельно-

сти Саввы как религиозного и церковного лидера. Части первая и пятая освещают предысторию и последующую (после смерти Саввы) историю палестинского монашества.

Монография Дж. Патрика снабжена многочисленными иллюстрациями. Основная часть иллюстраций сопровождает археологические исследования, и, подобно карте римских провинций и Малой Азии, и Сирии (с.23), представляет собой планы местности, фотографии описываемых мест (фотография церкви Богородицы монастыря Mar Saba - с.74.), а также планы и разрезы помещений, исследованных археологами (напр., план и разрез исихастерия Саввы (с.86). Есть также ряд фотографий, касающихся быта монахов (напр., монашеская одежда из Египта или солнечные часы из Кастеллиона - с.213, 235).

Исследование снабжено таблицами. Первая таблица представляет типологию жилищ отшельников Великой Лавры, вторая описывает уединенные жилища Великой Лавры, третья характеризует кельи лавры Иеремии, четвертая содержит информацию об отношениях между лаврами и о подготовке киновиями монахов для лавр (с.95,100,116,265).

Следует подробнее остановиться на каждой группе вопросов, поднятых Патриком в исследовании.

Три вводные главы первой части описывают палестинское монашество до Саввы, характеризуют исторические корни и отличительные черты восточного монашества, рассматривают ряд монашеских центров за пределами Палестины - Нитрию, Келлию, Скетис, киновию Пахомия в Египте, сирийское монашество, преобладавшую в Малой Азии систему Василия Великого. Автор исследования рассматривает также попытку унификации монашеского движения законодательством Юстиниана, который пытался определить место монашества в структуре церкви, придать организационное единство самому монашеству, установив административную организацию монастыря, должностных лиц, условия жизни, дисциплину, взаимоотношения внутри монастыря и между монастырем и государством. Исследователь отмечает, что на местах законодательство мало соответствовало действительности (с.32). Необходимо также отметить, что во вводной части Дж.Патрик основное внимание уделяет анализу биографии Саввы на основании данных жития Кирилла Скифополиса.

Часть вторая, посвященная строительным проектам Саввы и его последователей, состоит из трех глав. В третьей главе Дж. Патрик описывает лавры: Великую, Новую, Хептастома, Иеремии и учеников Саввы. Наиболее подробно исследуется им Великая Лавра - любимое детище Саввы: история ее строительства, дошедшее до наших дней ядро монастыря - Mar Saba и его постройки - церковь, гостиница, система водоснабжения, печи, места для уединения.

На основе археологических находок автор монографии делает два важных замечания, несколько меняющих стереотип монашеского образа жизни и в тоже время объясняющих жизнеспособность Великой Лавры. Во-первых, он отмечает, что при строительстве Великой Лавры, в том числе и келий отшельников, немаловажное значение имели соображения удобства, что проявлялось как в планировке келий, так и в необходимости цистерн для воды в каждой такой келье. Таким образом, Дж. Патрик приходит к выводу, что, несмотря на тяжелую жизнь в пустыне, условия в савваитских монастырях были далеки от крайнего аскетизма (с.107). Второе наблюдение касается обнаруженных исследователем комплексов из нескольких комнат, предназначенных для совместного проживания монахов (в одной комнате могли жить ученик и учитель, братья, представители одного этноса и вообще монахи, имеющие что-то общее - с.72. Это меняет традиционное представление, что все монахи в лаврах жили в отдельных кельях.

Вторая глава археологического исследования посвящена созданию киновий, которые в савваитских монастырях, как правило, служили для подготовки монахов в лавру. Среди исследованных Дж. Патриком монастырей - Кастеллион, Малая Киновия, Монастырь в пещере, Схolorия, Северина и перешедшие под руководство Саввы ранние обители Евфимия и Феоктиста. Схема исследования Дж. Патрика, общая для лавр и киновий, включает очерк истории монастыря, предшествующие исследования, если таковые проводились, и описание археологических находок.

В заключительной главе данной части исследования Дж. Патрик обращается к дополнительным строительным проектам Саввы - общежитиям в Иерихоне и Иерусалиме (с.165).

В третьей части монографии подробно описывается управление в Лавре и других савваитских монастырях. Автор называет основных должностных лиц в монастыре и указывает их функции - аббат, управляющий, эконо, заместители, подробно останавливаясь на их статусе и функциях, чтобы показать существовавшее между ними различие (с.169-178). Среди должностных лиц он называет также тех, кто был связан с организацией богослужения - священника, дякона, звонаря, а для Великой Лавры указывается также должность *ποσφωράριος* - лицо, ответственное за хлеб и вино для литургии (с.187). Обращается Дж. Патрик и к другим общественным задачам, выполнявшимся рядовыми монахами (наведение чистоты в монастыре, сбор хвороста, приготовление пищи, работа в гостинице). Можно сказать, что список должностных лиц в монастыре Саввы типичен. Новым здесь является, пожалуй, лишь сообщение, что монахи могли заниматься работой, отвлекающей их от уединения и молитв не больше года (с.192).

Дж. Патрик кратко характеризует экономику савваитских монастырей и подтверждает принятую точку зрения на источник их доходов: дарения и пожертвования благочестивых людей, почитателей, императоров (с.194). Меры экономической поддержки палестинских монастырей императорской властью затрагиваются автором также в четвертой главе монографии в связи с обращением к миссиям Саввы в Константинополе.

Дж.Патрик поднимает вопрос о восстаниях монахов против Саввы в 486 - 490 и в 503 - 506 гг. Пытаясь найти причины оппозиционности монахов (это односторонне объяснял Скифополис материальными интересами восставших), исследователь обращается к тем требованиям восставших, которые были предъявлены патриарху Иерусалима. Среди них было желание видеть во главе монастыря игумена, чье происхождение не было бы столь низким, как у Саввы. Это свидетельствует о том, что, несмотря на почитание Саввы и формальное равенство в монастыре, вопрос социального происхождения главы монастыря и главных должностных лиц, играл немаловажную роль.

В третьей и четвертой главах автор исследования отмечает вклад Саввы в основание и распространение лавриотского монашества. Для того, чтобы выделить сделанное именно Саввой, Дж. Патрик сравнивает образ жизни (гл. 3) и литургические правила (гл. 4) в монастырях Саввы с правилами его предшественников Евфимия и Герасима.

И, наконец, опираясь на сочинения Кирилла Скифополиса, сообщающие об уставе, созданном Саввой и найденном в монастыре св.Екатерины на Синае, типик, датируемый XII в. и приписываемый Савве, Дж.Патрик пытается реконструировать, хотя бы частично, первоначальный устав Саввы - первое записанное правило для лавры, которое оказалось настолько удачным, что позднее было переделано Феодором Студитом и приспособлено для его монастыря, а неосавваитский устав получил под влиянием афонского исихазма широкое распространение в православном мире, в том числе и на Руси (с.273).

Отличие Лавры Саввы заключалось уже в самой ее конструкции, когда киновии располагались за пределами Лавры и ни один человек, не достигший определенной степени совершенства (срок послушания в савваитских монастырях достигал в некоторых случаях до десяти лет), тем более несовершеннолетний, не мог находиться на территории Лавры (с.274).

Сравнивая правила Саввы, образ жизни в его монастыре с уставами монастырей Евфимия (из которого вышел сам Савва) и Герасима, Патрик находит преемственность порядков Саввы с последним, хотя устав Саввы был значительно модернизирован и не так суров (с.356).

Отличием савваитских монастырей в Палестине от сирийских и некоторых египетских общин Дж. Патрик считает значительное преобладание молитв и нетяжелого физического труда над тяжелыми ручными работами (занятие ремеслом и сельским хозяйством). В данном случае трудно понять, каким образом экономика, основанная на пожалованиях, могла обеспечить монастырю стабильность.

Наконец, исследователь находит отличие и в богослужбной части типика Саввы. Речь идет о проведении всенощной службы в монастыре в ночь с субботы на воскресенье, что стало одной из основных отличительных черт савваитских монастырей (с.356).

Несколько иной характер носят четвертая и пятая части монографии. Первая глава четвертой части посвящена почитанию Саввы как святого. Дж.Патрик перечисляет центры прижизненного почитания этого монаха - Иудейскую Пустыню, Скифополис, Иерусалим и даже Константинопольский двор, что нашло отражение как в многочисленных дарениях Савве, так и в предоставлении ему должности архимандрита: он возглавлял группу монастырей. В следующей главе автор монографии показывает, что, несмотря на свой талант строителя и организатора, Савва не был ни умелым богословом, ни непримиримым оппозиционером (хотя глава и носит название "Савва в борьбе за халкедонское православие"). Он не кажется в этой главе основным действующим лицом, точнее говоря, он как-то «теряется» на фоне насыщенных событий и активных лидеров духовенства - патриарха Иерусалима Иеремии и патриарха Антиохии Флавиана. Успехи же Саввы Дж. Патрик связывает с деятельностью иного рода. Он сообщает об его успехе как эмиссара иерусалимской церкви (в основном в деле экономического и политического покровительства палестинскому монашеству) при дворе императора.

В заключительной части исследования Дж. Патрик кратко характеризует игуменов - последователей Саввы до мусульманского завоевания (532 - 638 гг.) и их участие в новом витке религиозных разногласий - оригенистских спорах. Из выводов исследователя о некотором упадке Великой Лавры после смерти ее основателя можно заключить, что в созданной Саввой системе немалую роль играла его личность (с.323). Автор обращается также к знаменитым людям Византии - выходцам из Великой Лавры: литераторам Иоанну Дамаскину, Косме Гимнографу, Стефану и святым Лавры, среди которых иконопочитатели Михаил Синкелл, братья Феодор и Феодфан, а также 44 монаха, погибших в период арабского завоевания.

Итак, сочетание археологических и письменных источников позволило Дж. Патрику охватить в монографии обширный круг вопросов, а поиск подтверждения археологических находок письменными источниками (и наоборот) придал его выводам большую убедительность.

Однако в заключении автор отказывается от четких формулировок. Поэтому на фоне всего исследования (его насыщенных замечаний и интересных наблюдений) заключение кажется несколько «пресным» и вялым, а личность Саввы отчасти теряет тот блеск, который был присущ ей на страницах монографии. Из заключения довольно трудно определить, в чем именно заключался феномен этого человека и созданной им системы.

Монография Дж. Патрика представляет собой, с одной стороны, обобщающий труд по проблеме палестинского монашества ранней Византийской империи, а с другой стороны, детальное исследование. На конкретном материале, подтверждая и развивая известные факты о монашестве, исследователь выдвигает ряд новых, интересных, во многом нетрадиционных положений.

О.Коскина

ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА В КНИГЕ ПАУЛЯ МАГДАЛИНО:

Magdalino P. The empire of Manuel I Komnenos, 1143-1180. Cambridge: University Press, 1993.

Книга, написанная Паулем Магдалино, лектором по истории средних веков университета St. Andrews г.Эдинбурга (Шотландия), целиком посвящается царствованию Мануила I Комнина и предлагает новую оценку этого периода истории Византии с учетом последних достижений науки.

Уникальное положение Византии между Востоком и Западом и вытекающие отсюда особенности ее внешней и внутренней политики исследуются в главе 1. Далее подробно анализируется сложный характер взаимоотношений между Константинополем и провинциями, обусловленный разнообразием этнических, географических и социальных факторов (гл.2). В главах 3 и 4 дается характеристика правительственного аппарата и особенностей его функционирования в рассматриваемую эпоху. Темы церкви и науки в их взаимоотношении с государством развиваются в главе 5. Заключительная глава "Император и его образ" соединяет в себе все нити исследования П.Магдалино, поскольку фигура императора являлась центральной в комнинской системе управления.

До последнего времени в исторической литературе господствовала точка зрения, рассматривающая политику Мануила как ошибочную, приведшую империю к упадку, а саму основу комнинского возрождения как непрочную. В значительной мере подобное понимание исследователями этой эпохи определялось влиянием, которое